

III. Сибирь накануне русского владычества.

Многовековые передвижения и взаимные столкновения сибирских племен и народов привели их около XIII—XIV ст. к известному распределению по Сибири. Это размещение старинного туземного населения оказалось довольно устойчивым и в дальнейшем не подвергалось уже существенным переменам.

1. Западная Сибирь.

Пространство от Урала и почти до Енисея в описываемое время было занято финно-уграми, самсдами и турко-татарами. Первые жили по восточному склону Уральских гор и в средней части западно-сибирской низменности, вторые занимали местности к северу и востоку от них, а третьи расселились по Киргизской и Ишимской степям.

а) финно-угры и самсды.

Северо-западная Сибирь, расположенная по нижним течениям Оби и Иртыша и занятая финно-угорскими племенами, издавна известна была русским людям под зырянским названием *Югра* или *Угры*. Тем же именем обозначались и жившие здесь финно-угорские народцы — вогулы (или вогуличи), югра и остяки (арьяхо). Первые издавна жили по западным, а более по восточным склонам Уральских гор и занимали преимущественно места в бассейне Камы (р.р. Колва и Вишера) и Оби (р.р. Тавда, Пелым и верховья Северной Сосвы и Конды).

Югра в исторические времена обитала по нижнему течению левого обского притока Сев. Сосвы и впадающей в него р. Сыгвы или Ляпина. Позднее (во второй половине XVII в.) югра как особое племя, исчезла и остатки ее соединились с вогулами и остяками¹. Что касается остяков, то, до расселения по Зап. Сибири турецко-татарских племен в XIII—XIV в. в., они жили по средним течениям Оби, Иртыша и Ишима, откуда потом, под давлением пришельцев, вынуждены были отойти к северу и занять местности уже в низовьях Иртыша и Оби.

Таким образом, финно-угорские племена в эпоху, предшествующую завоеванию русскими Сибири, занимали обширную область, которая на севере простиралась почти до берегов Студеного моря, а на юге постепенно переходила в необозримые степные пространства; на западе она упиралась в Уральские горы, восточная же граница ее терялась в тундре между Тазовской губой и средним течением Оби.

Наиболее многочисленным и сильным из финно-угорских племен Сибири были арьяхо-остяки. Сведения об их историческом прои-

¹ Это обстоятельство, равно как и ~~и~~ ~~только~~ правильное обозначение словом „Югра“ всех трех финно-угорских племен Зап. Сибири, вызвала разногласия среди исследователей. Одни из них (Гесерт, ак: Лерберг, Бурелюс, Ф. А. Теплоухов и др.) считали племю югра предком вогулов и остяков вместе, другие (Маллер, Фишер, ак: Гофман, Барсов и Чупин) — только вогулов, а третьи (Нарышкин, Н. А. Абрамов, Бушен, Беляев и Оксенон) — только одна остяков.

лом сообщают нам различные источники — с одной стороны, русские летописи и вещественные памятники старины (остатки укрепленных остяцких городков и проч.), с другой — былины и героические сказания южных остяков. Эти произведения народного творчества, обвеянные дымкой героической поэзии, повествуют о подвигах старинных остяцких князей и богатырей. Неподдельная действительность и живой быт прошлых времен проглядывают в них повсюду. Географические и топографические данные былин и сказаний настолько верны и точны, что позволяют судить о местах происшествия разных событий. Самый тип остяцкого богатыря отличается реальностью. Если мы откинем при этом некоторые мало правдоподобные черты его характера и сверхъестественные способности, то перед нами окажется тот самый остяцкий князек, какого русские застали в Зап. Сибири в XIV—XVI ст. На этом основании исследователь остяцких былин и сказаний, С. К. Патканов, считает их произведениями довольно древнего происхождения и, по времени описываемых ими событий, относит составление их к XIII—XVI в. в. Проверенные и дополненные арх. Ологическими данными и известиями русских летописей, остяцкие былины и героические сказания могут сообщить нам ценнейшие сведения о хозяйственных отношениях, общественно-политическом строе и бытовом укладе остяков XIII—XVI в. в.

Занятия остяков, дававшие им некогда средства к существованию, состояли главным образом в охоте, рыбной ловле и оленеводстве.

Остяки охотились, при помощи лука и стрел, на крупного и мелкого зверя, на лесную и водяную птицу. Главные старания их повидимому были направлены к тому, чтобы добыть себе более или менее значительный запас пищи. Не менее важным средством для пропитания служила им рыбная ловля, для которой они употребляли прутяные „морды“, сети из крапивной пряжи, жердяные заборы и, вероятно, иные ловушки. Остяки добывали рыбу не только в речках и озерах, но и в таких реках, как Обь и Иртыш, где лов требовал гораздо большего искусства и более крупных снастей. Для охоты и рыбной ловли они нередко пользовались лодками, которые выдалбливали из осины и другого дерева, а иногда делали из бересты.

Особенного же внимания заслуживает оленеводство прежних остяков. Область его распространения охватывала в то время гораздо более южные местности, нежели теперь, так как оленей разводили тогда не только по всей средней Оби, но и по нижнему течению Иртыша (почти до впадения правого притока его Демьянки). В описываемой области оленя были в те отдаленные времена почти единственными домашними животными (кроме собаки). Они доставляли остякам мясо и сало для пищи, а шкуры на одежду, служа

им при этом и в качестве перевозочных животных. Без них, — говорит г. Патканов, — не обходилось ни одного жертвоприношения и ни одного пира. Ни один зимний поход не мог состояться без оленей: благодаря их легкости и скорости, всюду, где лежал снег, для остяка была открыта дорога. Безбедное существование остяков в старину было связано с обладанием этим животным. Размеры оленеводства у них в точности неизвестны; но, судя по всему, оленей держали тогда в достаточном количестве, а у князей были даже значительные стада их. Другим домашним животным у них была собака, которую держали и для охоты, и в качестве перевозочного животного.

Рогатый скот (коров, быков и овец) остяки узнали лишь впоследствии и повидимому заимствовали его от своих южных соседей, татар. Лошадь же стала известна им несомненно раньше рогатого скота, хотя и не сделалась домашним животным, потому что в болотистом Обско-иртышском крае, изрезанном речками и покрытом тайгой и озерами, на конях нельзя установить сообщения ни летом, ни зимою.

Известно ли было прежним остякам земледелие? В былинах и сказаниях их не раз упоминаются чаши и берестяные туяси „с пенящимся отверстием“, под которыми, по мнению г. Патканова, нужно подразумевать сосуды, наполненные остяцкой брагой. Видимо,

остяки в старину знали и жито. Однако, если они и были знакомы с хлебными злаками, то, вероятно, возделывали их не сами, а получали от своих южных соседей, живших в области нынешнего Тобольска. Весьма возможно, что народом, который познакомил остяков с житом, были татары, и самое знакомство это произошло видимо в позднейшее время.

Археологические данные и былинные сказания указывают на то, что в XIII—XVI в. в остяки были отчасти знакомы с ковкой железа и выделкой из него ножей и наконечников стрел. Но гораздо больше металлических изделий югра и остяки, по сведениям русской летописи и арабских писателей, получали в обмен на меха от своих соседей — новгородцев, москвичей, волжских болгар, казанских и сибирских татар. Они привозили к финно-уграм ножи, топоры, иглы и другие железные изделия; болгарские же и татарские купцы, сверх того, покупали в мусульманских странах азиатского Востока простые, необделанные клинки мечей и привозили их в страну югры и остяков, где этот товар находил постоянно хороший спрос. Искусство выделки металлических вещей в северо-западной Сибири пало еще до XVI ст., и русские уже не застали здесь остяцких кузнецов, которые, по словам местного предания, ушли отсюда куда-то на восток. Но, получая от иноземных купцов различные металлические изделия, финно-угры и сами должны были отдавать в об-

мен на них избыток естественных произведений своей области: то были преимущественно драгоценные меха пушных зверей, водившихся у них в изобилии (соболя, горностая, куницы, лисицы и белки).

Что касается оружия и орудий, которыми прежние остяки пользовались для добывания себе средств пропитания и вообще в целях борьбы за существование, то они, как уже отчасти упоминалось, состояли из лука, стрел, мечей, ножей, топоров, копий и дубинок. Остяцкий старинный лук делался из двух половинок разных древесных пород, склеенных рыбьим клеем, перевязанных ниткой и обмотанных берестой; тетива же повидимому приготавливалась из крапивной бечевы или жил животных. Стрелы состояли из деревянного черенка с оперением на одном конце и костяного или железного наконечника разной формы, в зависимости от назначения стрелы (для охоты или военных целей). Мечи выковывались из железа и имели, вероятно, деревянные ручки и такие же или кожаные ножны. Ножи приготавливались из железа и кости. Лук и меч были главным наступательным и оборонительным оружием прежних остяков. Топор был домашним орудием и на войне употреблялся редко. Копья, находящиеся в большом количестве в Тобольском округе, состояли из древка и железного наконечника длиной от 3 до 5 верш. Былины и сказания остяков не упоминают об употреблении копий

для военных целей; поэтому можно предполагать, что они служили орудием охоты на медведя. Таким же орудием была повидимому и остяцкая дубинка, которая делалась из лиственничного и влового дерева.

Область, занятая в старину остяками, делится на ряд небольших волостей княжеств, первоначально заключавших в себе по нескольку близких родов. Средоточием каждой волости служил городок (вош, ваш), находившийся под властью жившего в нем остяцкого князя¹. Число волостных княжеств и городков в старинной остяцкой земле было значительно. В одном только Тобольском округе г. Патканову удалось открыть свыше 60 таких городков, из которых около $\frac{2}{3}$ несомненно принадлежало остякам; в Березовском же округе-г. Абрамов насчитал их более 40, да немало еще наверное скрыто их среди дебрей, озер и болот северо-западной Сибири.

Для городка обычно выбиралось место возвышенное и до известной степени господствующее над соседнею местностью. Чаше всего городок строился на нагорном берегу рек и занимал какой либо мыс, образованный прибрежным оврагом или заливом. Особенно удобны были для этой цели места при впадении в реку притоков. Иногда к такому городку со стороны суши вел подъем, который

¹ В каждом из волостных княжеств первоначально имелся всего один городок; но впоследствии, когда два княжества соединились под одной властью или одно княжество разделилось на две, появились княжества с двумя и более городками.

искусственно укрепляли рвом и валами. Чаще всего городок имел один ров и вал, иногда же доступ к нему с суши преграждали два ряда валов. Размеры остяцких городков вообще были незначительны: площадь их не превышала 180 кв. саж., а обычный размер ее колебался от 70 до 140 кв. саж. На валах нередко ставился частокол, снабженный воротами, а около городков и вообще прибрежных селений устраивались жердяные пристани и подмостки для причаливания лодок.

Небольшие и вообще слабо укрепленные городки старинных остяков могли вмещать в себе лишь небольшое число жилищ, где обитали князь, его родственники, слуги и немногие жители. Главная же часть населения обитала в поселках (пугот), расположенных или около городков, или по берегам рек и озер. Средняя населенность остяцких княжеств едва ли спускалась ниже 60 и превышала 400 душ обоего пола в каждом. Поэтому весьма возможно, что по размерам они совпадали с остяцкими волостями по Иртышу пред временем завоевания их русскими¹.

Для установления внутреннего порядка и в целях самозащиты от самоедских и татарских набегов, остяцкие волостные княжества в XV—XVI стол. вынуждены были объединиться в более или менее значительные по-

¹ Таковы волости—Туртасовая, Улатовая, Назынская, Демьянская, Цигаланская, Нарынная, Гарханская и др. (Миллер, гл. III, §§ 12—23).

литические союзы, из которых каждый находился под властью единой княжеской династии. Самым северным из них было княжество *Обдорское*, получившее свое название от главного города Обдора¹; оно составилось из волостных княжеств, расположенных по нижнему течению Оби. Южнее его, по правому берегу Оби (между р. Казымом и устьем Иртыша) находился другой значительный политический союз, княжество *Кодское* или *Кондинское*, с двумя главными городами—Кодой и Шоркаром². Что касается южных остяков, то у них было такое же княжество, что и на обском севере. Средоточием его в 1570—1580 х г. г. являлись владения князя Самара близ устья Иртыша, с городом Самаром во главе³. Это княжество, по замечанию Миллера, включало в себя все остяцкие волостные княжества по нижнему Иртышу и среднему течению Оби (гл. III, § 24). Такой же политический союз в XV и XVI в. в существовал к западу от Обдорского и Кодского княжеств и состоял из собственно югорских волостей, лежавших по восточному склону Урала (по р. р. Сосве и Сыгве). Главным городом *Югорского княжества* был Лопынг (по русски Ляпин), но кроме него югра имела еще до одиннадцати городков разного значения.

¹ Позднее русский Обдорск.

² Вблизи их развалин ныне расположены села Кондинское и Шермальское, Верезовского уезда.

³ Ныне село Самарово Тобольского уезда.

Высшее положение в старинном остяцком обществе занимали князья, достоинство которых было наследственно и недоступно для людей из простого звания. Остяцкие князья превосходили своих подданных не только происхождением, но и богатством; последнее заключалось в дорогой одежде и доспехах, в лучшем жилище и его внутреннем убранстве, равно как в мехах, металлах и оружии. Несмотря на это, разница в образе жизни остяцкого князя и простого народа все же не была настолько значительна, как у других народов востока. Подобно простому народу, князья ходили на охоту и рыбную ловлю, хотя и занимались этим скорее для своего удовольствия, чем вызываемые к тому необходимостью. Для всех домашних работ они имели достаточное количество слуг из рабов, на обязанности которых лежало также снабжение их пищею и уход за княжескими стадами оленей. Кроме того, о нуждах своих князей заботился и простой народ, который, видя в них своих покровителей и защитников, относился к ним с глубоким уважением.

Таким же почетом у остяков пользовались и все княжеское сословие, независимо от степени родства отдельных лиц его и их отношения к князю-правителю. Взаимные отношения членов княжеской семьи основывались на подчинении младшего старшему, причем старейшие в роде считались главами народа. Иногда и сами князья уступали пер-

венство старейшему из своей среды по возрасту и большей опытности. Если же между ними происходили какие либо недоразумения и споры, то они действовали как лица равноправные. Вот почему нередко случалось, что то или иное из своих владений они делили на два—на три независимых княжества; но бывало и так, что какой либо один князек являлся главой двух или нескольких городков.

Мы видели выше, что в XV—XVI в в волостные княжества остяков объединялись в более или менее крупные политические союзы, под главенством отдельных княжеских династий. Последние несомненно происходили из среды волостных князей. Наиболее даровитые, храбрые и предприимчивые из них, при благоприятных обстоятельствах, сосредоточивали в своих руках большее влияние и значительные материальные средства. С течением времени они получали преобладание над своими менее богатыми и влиятельными родственниками и становились среди них первыми или великими князьями. Вокруг этих князей и их династий и происходило обычно политическое объединение волостных князей и их владений, а иногда и более значительных политических союзов. Таким именно образом возникли известные остяцко югорские княжества—Обдорское, Кодское, Самарское и Югорское. Во второй половине XV в. вел. князь кодский Молдан объединял под собою не только кодских волостных князьков, но

был одновременно и князем соседнего Югорского княжества (из подчиненных ему князей наиболее видными были Пыткей, Сонта и Пынзей). В середине XVI в. вел. князем кодским был Павгей, а преемниками его — известные отец и сын, Алачей и Игичей. Гораздо менее мы знаем о южно-остяцких князьях: в 1570—1580 х г. г. прииртышский князь Самар объединил иртышских и среднеобских остяков, причем в его непосредственном подчинении находилось восемь подручных князьков. Еще менее известно нам об Обдорском княжестве, в нем, как и в соседних владениях, были свои великие князья, которым подчинялись местные волостные князьки (напр., казымские и куноватские); но каковы были имена их и в каких отношениях они находились к соседним княжеским династиям, сведений до нас не сохранилось.

Сравнительно меньше мы знаем о взаимных отношениях остяцких князей, великих и подручных. В XIII—XIV в. некоторые остяцкие волостные княжества и югра платили дань Новгородскому государству, которое ограничивалось этим и совершенно не вмешивалось во внутренние отношения своих данников. В XV в. новгородцев сменили здесь москвичи. Когда в 1480 х г. г. в северо-западную Сибирь явились русские войска, остяцко-югорские князья покорились новым пришельцам и стали платить дань московскому государю. С того времени между Кодой и

Шоркарком с одной стороны, и Москвою с другой начинаются постоянные сношения о заключении мира, уплате дани и вообще о взаимных отношениях. Остяцко-югорские князья нередко появляются при дворе московского государя, и это обстоятельство, в связи с переговорами, которые они вели здесь, дает возможность сделать некоторые наблюдения над взаимоотношениями князей великих и подручных. Когда русские воеводы пленили вел. князя Молдана, в Москву явился от имени Кодской и Югорской земель подручный югорский князь Пыткей для переговоров о возвращении пленного на родину. Год спустя после этого (1485 г.) вел. князь Молдан, совместно с виднейшими из своих подручных князей заключает с русскими мирный договор. Позднее в Москву являются влиятельнейшие из обдорских князей. Повидимому, отношения остяцко-югорских великих князей к своим подручникам были мало похожи на отношения государя к своим подданным. Скорее всего вел. князь, как старший, наиболее сильный и влиятельный среди волостных князьков, был первым лицом в целой земле, к голосу и советам которого внимательно прислушивались все его подручники. Во внешних сношениях он являлся как бы главным представителем или уполномоченным своих князей и подданных; в случае же отсутствия вел. князя, его заменил один из старших и наиболее влиятельных его подручников.

Князья занимали высшее положение в старинном остяцком обществе; главную же массу населения составляли простые люди. Они жили отчасти в городках, но преимущественно в поселках, расположенных по берегам рек и озер. Постоянно нуждаясь в средствах к существованию, простые люди все время проводили в занятиях охотой и звероловством и в уходе за оленями. Иногда же их отрывали от трудовой жизни для походов или для участия в народных собраниях.

Третий класс остяцкого населения состоял из рабов, которые повидимому добывались на войне¹. Рабы составляли частную собственность князей, у которых они выполняли все домашние работы. Число их у отдельных владельцев было невелико и потому на каждом из них лежало несколько обязанностей. Рабы считались как бы младшими членами княжеского семейства, поэтому обращение с ними господ было вполне человеческое.

Образ правления в волостных княжествах у остяков складывался из взаимодействия князя и народного собрания. Все текущие дела решали вероятно сами князья; если же случались дела важные, они созывали народное собрание, на котором являлось все население городка и поселков. Несмотря на такой состав собрания, правом голоса в нем пользовались повидимому только старейшие

¹ Известно о других источниках рабства у остяков до ныне сохранилось.

в роде; с ними собственно князья и совещались о делах. Решения стариков, впрочем, не имело для князя обязательной силы; скорее всего оно было советом, с которым князь мог поступать по своему усмотрению.

Народные собрания нередко созывались для совещания о новых походах. Выслушав мнения старейших в роде, князья обыкновенно решали дело по своему, и собрание оканчивалось набором воинов для предприняемого похода.

Главными причинами войн у старинных остяков было желание князей найти себе жен, а также стремление защитить свои владения от захватов и нападения врагов, либо предупредить враждебные действия со стороны неприятеля. Во главе военных сил обычно становились князья, а их родственники составляли хорошо вооруженное и наиболее боеспособное ядро войска. Летом поход совершался по воде на лодках, зимой же воинов уносили к месту назначения быстроногие олени, запряженные по два в легкие санки.

Способы ведения войны были различны, в зависимости от характера и численности неприятеля и занимаемого им положения. На малочисленных врагов остяки нападали стремительно, осыпая их при этом тучами стрел. Только нанеся неприятелю побольше вреда, бни рассыпавшись сходились с ним и вступали в рукопашную, причем каждый выискивал себе противника, чтобы сразиться с ним. Если первое

нападение остяков было отбито, они быстро разбежались, чтобы вскоре собраться и снова напасть. Нередко слабый противник не выдерживал вторичного натиска и обращался в бегство, и только лучше устроенные и вооруженные отряды татар и русских успешно выдерживали нападения многочисленных остяков. Если же последние имели дело с противником сильным, его старались захватить врасплох, произведя на него внезапное нападение.

При первом же известии о готовящемся походе горожане противной стороны исправляли укрепления своего городка и заблаговременно ставили дозорных для предупреждения о приближающейся опасности. Эти дозорные обычно помещались на небольших помостах, устроенных на высоких столбах, и издали могли видеть надвигавшегося неприятеля. Иногда с той же целью поперек реки, у места расположения города, протягивали бечеву, конец которой находился в городе. Неприятель, ничего не подозревая, наезжал на нее, натягивал или шевелил, а то заметив умышленно перерезывал ее; это обычно служило знаком, по которому горожане выходили навстречу врагам. Нередко неприятелю готовили гибель, даже не допуская его до подступов к городу или поселку. В дно реки, недалеко от поверхности воды, вбивали поперечный ряд кольев, обращенных острием в ту сторону, откуда ожидали нападения. Ни-

чего не подозревая, враги попадали лодками на это опасное место заграждения и ломали их, а сами делались добычей реки или подстерегавших их тут же воинов. Особенно губельны были такие засады для берестяных лодок, которые неминуемо при этом тонули, увлекая за собою и сидевших в них воинов.

Если подобные заграждения оказывались недействительны, враги подступали к самому городу. Обыкновенно они не решались брать его приступом и, если не пускали в дело какой-либо военной хитрости, то окружали городок, ожидая, когда у осажденных выйдут все запасы. Это происходило обычно сравнительно скоро, так как остяки всегда заготавливали немного продовольствия.

На поле битвы у остяков соблюдались свои обычаи. Пленных они обращали в рабство, а с убитых врагов, с целью унижить их, снимали головную кожу (скальн); при этом оружие и доспехи врага обычно переходили к победителю.

Для обеспечения успеха в борьбе с сильным врагом, остяцкие князья нередко заключали между собою союзы и соглашения, которые, в зависимости от обстоятельств, были то оборонительные, то наступательные. При открытии военных действий союзник, подвергшийся нападению, выставлял на высоких шестах куски красной ткани и этим извещал своего союзника о близкой опасности. Васть о появлении этого знака быстро пе-

редавалась рыбаками и охотниками и скоро доходила по назначению. Такие союзы особенное значение имели в постоянной борьбе остяков с самоседами и татарами, а впоследствии также и с русскими.

Бытовой уклад жизни старинных остяков зависел от природных условий, хозяйственной деятельности их и государственно-общественных отношений.

Суровый климат области побуждал остяков строить такие жилища, которые, не выдаваясь слишком над поверхностью земли и не занимая много места, в то же время хорошо сохраняли в себе тепло. Подобным условиям вполне удовлетворяли землянки, состоявшие у прежних остяков из четырехугольной ямы, куда иногда опускали небольшой деревянный сруб. Крыша над такой землянкой делалась из жердей, на которые сверху равномерно набрасывалась земля, прикрытая дерном. В середине крыши или сбоку делалось небольшое отверстие для выхода дыма и для света. Вход в жилище был защищен небольшой досчатой дверью. Изнутри оно было крайне просто по своему устройству: пол, скамьи и очаг или чувал делались из земли. Около землянок на высоких ножках устраивались особые амбарчики для хранения в них домашних вещей и припасов, а один из них предназначался для домашнего божества и его доспехов.

От этих простых жилищ несколько отли-

чались землянки князей. Они были просторнее обыкновенных и имели лучшее внутреннее убранство, причем пол, стены, скамьи и основание очага в них были сделаны из бревен и досок. Княжеские амбары строились также больше обычных и, кроме домашних богов, заключали в себе разные ценные вещи (пушной товар, ткани, металлы и оружие).

Кроме частных жилищ, у остяков XIII—XVI ст. имелись еще большие общественные здания для народных собраний. Они состояли из жердей и имели вероятно коническую форму, причем размеры их иногда были довольно значительны.

Незатейливости внутреннего убранства остяцких жилищ вполне соответствовала и простота утвари, в частности посуды, употреблявшейся при еде, равно как и самой пищи. В былинах постоянно упоминаются у остяков чугунные и медные котлы с ушками, глиняная посуда (черепки от которой и поныне в изобилии встречаются на развалинах остяцких городков), деревянные ложки и берестяные лукошки и бураки (туясы). Пища прежних остяков состояла из рыбы, звериного и оленьего мяса и разных ягод. Рыба употреблялась в сыром, сушеном и вареном виде; мясо же повидимому чаще варили, чем ели сырым. Оленье сало и осетровый жир считались большим лакомством и подавались гостям. В виде лакомства ели также и разного рода ягоды, которые в изобилии росли

в остяцкой земле. Твердую пищу остяки ели обычно руками. для жидкой же употребляли деревянные ложки. Напитками им служили вода, березовый сок и мед, а в качестве опьяняющего средства остяки употребляли грибомухомор: съеденный в известном количестве (от 7 до 2-х шт.), он производил временное возбуждение и вызывал сильные галлюцинации.

Совсем немного сведений сохранилось о старинной остяцкой одежде. Судя по некоторым указаниям в былинах, она состояла (зимой) из малицы, т. е. оленьей шубы шерстью внутрь, сапог, шапки и рукавиц, при этом мелкие принадлежности делались из оленьего меха и птичьих шкур. Имеются еще косвенные данные за то, что прежние остяки употребляли одежду и сапоги из выделанной кожи налима, осетра и стерляди. Что касается князей, то одежда их отличалась от обыкновенной повидимому не столько покроем, сколько самым материалом: по крайней мере остяцкие былины сообщают, что прежние князья носили дорогое платье, сделанное из сукна и шелка, и обувались в сапоги, украшенные металлическими поделками.

Первобытному характеру хозяйственных и общественных отношений у прежних остяков вполне соответствовали и их религиозные верования. Остяки поклонялись одухотворенным силам природы и верили в сношения с ними при посредстве шаманов. Правда, у них было некоторое понятие и о верховном суще-

стве „Торыме“ (у вогулов Нума) (добром боге, властителе вселенной), но в то же время они признавали ряд низших божеств, добрых и злых, представлявших собою олицетворение известных сил и явлений природы. Изображения или вернее—жилища этих божеств делались из дерева, камня, металла и имели вид человека, птиц и зверей, а особенно медведя, поклонение которому, заимствованное некогда у древнеазийцев, было широко распространено среди остяков. Веря в различные божества, остяки строили для их изображения капища или кумирни, разбросанные по берегам рек и в тайге.

Среди божеств, пользовавшихся особым почитанием у прежних остяков, заслуживают упоминания следующие: Ортик—помощник и друг Торыма (в Шоркаре), Мастер—божество здоровья (на Оби близ устья Иртыша), Мейк—божество зла. Обский старик—божество вод и рыб (в устье Иртыша), бог Рача (в Рачевских юртах), Большая богиня (в Белозерских юртах), Медный гусь—божество птиц (там же) и некоторые другие. Кроме того, у каждого хозяина-остяка были свои домашние боги, для которых, как мы видели, предназначался особый амбар около жилища.

Простые смертные считали себя совершенно беспомощными перед различными духами-божествами. Они не могли входить с ними в какие бы то ни было сношения, выражать пред ними свои нужды или просить их по-

мощи в каком-либо деле. Заступниками и посредниками их перед богами являлись мудрецы-шаманы (тадым), которые, по их верованиям, не только умели говорить с духами, но имели силу и средства заставить их служить человеку. Посредством различных таинственных действий и заклинаний они входили в общенье с добрыми богами и направляли их силы на пользу людей. Шаманы умели, по мнению остяков, обращаться и со злыми духами, от пагубного влияния которых (болезней) они брались освобождать человека. Одновременно шаманы являлись прорицателями, т. е. истолкователями божественной воли и предсказателями будущего. Нечего и говорить, что, благодаря таким необыкновенным способностям, шаманы пользовались у остяков всеобщим признанием и глубоким уважением.

Со второй половины XV в., когда русские во время своих зауральских походов вошли в непосредственное соприкосновение с югрой и остяками и обложили их данью, остяцкие князьки постепенно начинают обращаться в христианство. В следующем столетии среди южных остяков, живших по соседству с татарами и подчинявшихся им, стало распространяться мусульманство. Однако как далеко обе веры преникли в народную толщу и насколько отразились на бытовом укладе остяцкой жизни, сведений до нас не сохранилось.

В таких чертах нам представляется теперь жизнь остяков в XIII—XVI ст.

Старинный хозяйственный и общественный быт другого финно-угорского племени, югры, ничем особенным не отличался от быта остяков. Несколько иной повидимому была жизнь третьего племени—вогулов или вогуличи.

Вогулы, как мы видели выше, занимали оба склона Уральских гор. Средоточием тех из них, которые жили по р. р. Гавде, Пелыму и Конде, был городок старый Пелым. Вогулы, обитавшие к северу от них (по р. Лозве), имели свой городок—Неромкарра. По верхнему течению Конды, в недалеком расстоянии от Пелыма, находились две вогульских волости—Большая и Малая Конда. Во всех названных местностях вогулы жили отдельными родами, во главе которых стояли старшины-родоначальники. Иногда несколько соседних родов соединялись в одно целое и признавали над собою общего начальника—князя. Старый Пелым являлся как раз именно таким средоточием нескольких родов и даже волостей. В этом городке в течение нескольких столетий правил род вогульских князей, но источники сохранили нам имена только некоторых из них. Так, во второй половине XV в. пелымскими князьями были Асыка и его сын, Юмшан; в 1570—1580 г. в Пелыме управляли князья Бегбелий и Кихек,—оба известные своими опустошительными набегами на Пермь Великую; а при заня-

тии Пелымского княжества русскими (в 1590-х г. г.) там правил энергичный и воинственный князь Аблегирим.

Пелымские князья упоминаются в русских летописях со значением великих князей, имевших при этом какие-то неясные для нас связи с кодским и югорским великокняжескими домами. Но кроме них, у прежних вогулов были еще мелкие князьки, из которых одни, судя по месту их княжения, подчинялись Пелыму, тогда как другие находились под сильным влиянием кодско-югорских князей. Ввиду этого можно полагать, что общественные отношения у вогуличей XIII—XVI в. в. были менее развиты, нежели у их восточных соседей. В то время как остяки и югра были объединены в такие сравнительно крупные политические союзы, как княжества Югорское, Обдорское, Кодское и Самарское, вогулы имели только одно Пелымское княжество, которое к тому же не представляло собою целого племени.

Что касается занятий, образа жизни и верований старинных вогуличей, то о них (за исключением верований) не сохранилось почти никаких известий; однако некоторые косвенные указания заставляют думать, что вогуличи в этом отношении мало чем отличались от соседнего остяцкого племени.

К северу и востоку от финно-угорских племен Сибири в описываемое время обитали

самоеды. По северным склонам Урала до низовьев Оби в XV ст. жили Каменские самоеды, по берегам Тазовской губы обитало тогда самоедское племя юраков, а по среднему течению Оби вплоть до Енисея были разбросаны другие самоедские племена.

О самоедах XIII—XVI в. в. до нас дошли лишь самые отрывочные сведения, которые не позволяют составить более или менее определенное представление об образе жизни этого племени. По сообщению Платона Карпини, проезжавшего по средней Азии в первой половине XIII в., тогдашние самоеды вели кочевую жизнь и добывали себе средства к пропитанию охотой и рыболовством; свои чумы (жилища) и одежду они делали из шкур различных зверей. В следующем столетии самоеды, отодвинутые остяками и татарами еще далее на север, познакомились чрез древнеазиатов с оленем, научились искусству приручать это животное и пользоваться им для перевозов и перевозки тяжестей. В дальнейшем оленеводство получило у них такое развитие, что, когда в 1499 г. русские войска напали на кочевье каменных самоедов, они захватили у них до 200 оленей. Таким же перевозочным животным у самоедов была и собака. Оленеводство и приспособление собаки способствовали постепенному распространению самоедов по берегам Студеного моря и установлению у них известной смены кочевий: зимою они жили в землянках, разбро-

санных по тайге (урману), а с наступлением лета, спасаясь от комаров и овода, перекочевывали с оленьими стадами в тундру и на берега Студеного моря. Самоеды были отличными стрелками из лука и превосходно управляли своими легкими берестяными лодками. Свое платье они готовили из оленьих шкур и собольих мехов; последние, кроме того, служили предметом торгового обмена их с новгородцами.

Общественный быт самоедов XIII—XVI в.в. основывался на родовых отношениях: они делились на роды и во главе каждого из них стояли старейшины-родоначальники. Никаких иных общественных союзов у тогдашних самоедов не существовало; если же при этом принять во внимание, что самоедские роды постоянно враждовали и боролись между собою, то станет вполне понятным сравнительно раннее подчинение их своим соседям остякам¹. Однако это обстоятельство нимало не удерживало их от постоянных нападений на своих победителей.

Самоеды обычно делали набеги на остяков отрядами в 200—300 чел., притом настолько стремительно, что часто заставляли остяков врасплох и не давали им времени собраться с силами. Если же самоеды встречали сильное сопротивление, то столь же быстро пропадали, захватив с собою богатую добычу, состоявшую из женщин, оленей и домашних

вещей. Для быстроты нападения в зимнее время они брали с собою стада оленей, на которых легко переносились с места на место. Во время летних набегов самоеды подымались вверх по рекам на своих легких берестяных лодках и достигали остяцких поселений. Пользуясь тем, что в это время года все мужское население было занято рыбным промыслом, они незаметно подплывали к остяцким поселкам и грабили их. В случае же опасности они бросались в свои легкие лодки и быстро исчезали вниз по течению рек, далеко оставляя за собою остяков, нередко плывших на грузных деревянных лодьях. Своими набегами самоеды постоянно тревожили как нижнеобских остяков, так и живших по среднему течению Оби и в низовьях Иртыша. В целях самозащиты остяцкие волостные князьки повидимому охотно заключали между собою союзы и соглашения, которые повели потом к образованию у них значительных княжеств.

б) Сибирское ханство.

Финно угорские поселения в Сибири простирались некогда гораздо южнее, чем в исторические времена. Мы видели выше, как финно-угры постепенно отходили в северном направлении под давлением различных турецких племен, и последнее по времени переселение их на север было вызвано образованием и распадением монгольской державы Чингиз-хана. Походы великого завоевателя

¹ См. выше стр. 156—157.

всколыхнули все народы и племена средней Азии и привели их в необычайное движение. Захваченные этим движением, турецкие племена оставили свои земли в Монголии и отодвинулись к северу и северо западу. Значительная часть их, под чуждым им названием „татар“, расселилась по юго-западной и западной Сибири, Уралу и Поволжью и отурчила издавна жившие здесь финно-угорские и самоедские племена, частью же отодвинула их по Иртышу и Оби в северном направлении. Вслед за татарами, в Сибирь и вост. Европу явилась и монгольская государственность, в виде Кипчакского ханства, с Джучиевой династией во главе. В следующем столетии это государство уже распадается на несколько независимых улусов, из которых один зарождается за Уралом, в ишимских степях, и впоследствии получает название Сибирского ханства¹.

Основу населения ишимских степей и южного Зауралья составляли турецко татарские племена, туземные и пришлые. Туземные татары обитали по р. Туре и появились здесь в XIII ст., по видимому как часть Батыевой орды. Они первые из всех сибирских татар перешли от кочевого к оседлому образу жизни, за что и прозваны были туралами и туралинцами, т. е. городскими или оседлыми жителями. Со времени прихода сюда из средне-азиатских степей туралинцы, по всей ве-

¹ Подробнее об этих событиях см. стр. 140—146.

роятности, неизменно занимали места по течению р. Туры, от верховьев ее до впадения в р. Тобол. Туринские татары были немногочисленны. Главная же масса сибирских татар обитала по р.р. Тоболу, Ишиму и Иртышу, и занимала по среднему течению их значительные степные пространства. По мнению ак. Радлова, эта татарская ветвь произошла путем смешения ногайцев и кыргызов, прибывших сюда в XIV—XV ст., с бухарскими выходцами (из сартов и таджиков). Впоследствии (вторая пол. XVI в.) обе ветви сибирских татар (туринские и тобольско-иртышские) довольно сильно перемешались с явившимися в Сибирь казанскими татарами и утратили свою прежнюю племенную особность. К востоку от туринцев и ишимцев находились барабинские татары, получившие это название от места своего обитания — Барабы или Барабинской степи, расположенной между р.р. Обью и Иртышом. Барабинские татары, подобно ишимским, были смешанного происхождения и представляли, по мнению ак. Радлова, остатки очень древних помесей алтайско-турецких племен с финно-уграми.

Итак, западно-сибирские татары заняли места, населенные прежде финно-уграми; при этом часть последних была постепенно поглощена пришельцами, большинство же туземцев вынуждено было отодвинуться на север, в низовья Иртыша и Оби. Первые татарские поселенцы — туралинцы явились в

край, отчасти уже тронутый культурою: здесь были остяцкие городки и поселки, население которых занималось охотою, рыбной ловлей и оленеводством и составляло ряд общественных союзов, в виде волостных княжеств. Насколько были культурны древнейшие татарские выходцы, мы не знаем; однако есть основания полагать, что они умели строить города, ибо на это указывает не только самое название их—туралинцы, но и наличность у них двух городков по р. Туре—Епанчина и Чинги-туры. Зато вторая, ногайско-бухарская волна поселенцев, явившаяся сюда в XIV—XV вв., была повидимому уже хорошо знакома с земледельческо-городскою культурою. Расселившись по Иртышу и двум его западным притокам (Тоболу и Ишиму), эти выходцы освоили бывшие здесь остяцкие городки (напр., Искер, будущ. Сибирь) и основали ряд собственных городков разной величины и значения, из которых русские летописи упоминают до пятнадцати¹. Города некоторых из них (особенно Искер Сибири) сохранились и поныне, и теперь мы можем судить по ним о культурном состоянии некогда жившего в них татарского населения.

Татарские городки находились по течению рек и занимали обычно нагорный, возвышенный берег, господствующий над окрестною

местностью. Наиболее удобным местом расположения городков был высокий мыс, образованный оврагом, выходящим к речной долине. Если же такой мыс был отрезан от остальной части нагорного берега еще каким-либо углублением (вроде рва), городок считался хорошо огражденным. Иногда городской мыс искусственно укрепляли со стороны суши двумя и даже тремя рядами рвов с валами. По скату внутреннего рва, вокруг городка, был устроен частокол с воротами, от которых через ров был перекинут мостик. Размеры городской площади (внутри вала) были невелики и колебались от 500 до 700 кв. саж. В таком небольшом городке вряд ли могло обитать значительное количество людей. Вернее всего, что в нем жил местный властитель, его приближенные, слуги и стража; во время вражеских нападений здесь же собирались и войска. Что касается остального татарского населения, то оно обитало в поселках, расположенных по берегам рек и озер и отстоявших видимо недалеко от укрепленного городка.

В общем татарские городки Зап. Сибири по своему расположению и внешнему виду сильно напоминали городки остяцкие, от которых отличались только большими размерами да прочностью устройства. Повидимому одинаковые природные условия и потребности обороны создали и более или менее одинаковый характер остяцких и татарских укреплений.

¹ Ялу-тура, Тархан-калга; Кизил-тура, Куллара, Ялым; Сузга-тура, Бидик-тура, Махметкулов и Аттикин городки, Искер Сибирь, Касым-тура, Карачин городок и нек. др.

Туралинцы и тобольско-иртышские татары в XIV—XVI вв. обладали довольно развитой материальной культурой. Их хозяйственная деятельность отличалась значительной разносторонностью и состояла в охоте, рыбной ловле, скотоводстве, земледелии, ремеслах и торговле.

Жители лесных и болотистых местностей на севере добывали себе средства пропитания охотой на птиц, пушного зверя и крупных животных. Для этой цели ими употреблялись стрелы различной величины и формы и кроме того повидимому силки, капканы и рогатины. Не менее у прежних татар было развито и рыболовство. Многочисленные реки и озера Зап. Сибири снабжали их крупной и мелкой рыбой, которую ловили на крючок, острогой, сетью и другими снастями. Обширные степные пространства, лежащие по средним течениям Тобола, Ишима и Иртыша, представляли значительные удобства для разведения скота. Действительно, татары имели конские табуны, на что указывают многочисленные принадлежности верховой езды, находимые в городищах (удила, стремена, украшения сбруи, подковы и проч.). Есть некоторые основания полагать, что они разводили и мелкий скот (овец); сведений же о крупном рогатом скоте до нас не сохранилось. В местностях с удобною почвою тобольские и иртышские татары занимались хлебопашеством. Об этом свидетельствуют не толь-

ко находимые в городищах сошники, серпы и остатки жерновов. но и некоторые исторические данные: так, когда русские во второй половине XVI в. занимали по Тоболу и Иртышу татарские городки, они почти всегда находили в них хлебные запасы; в то же время земледелие было развито и по среднему течению Оби, где им занимались кучумовские, т. е. тобольско-иртышские татары. Кроме перечисленных выше занятий, у татар были развиты разные ремесла — плотничное, гончарное и особенно кузнечно-слесарное. Ремесленники умели плавить чугун и медь и знали искусствоковки и выделки из них различных предметов (ножей, ножниц, шильев, долот, топоров, замков и мн. др.), для чего у них употреблялись молотки, напильники и точильные камни. Добывание и первоначальная обработка естественных произведений страны способствовали довольно раннему развитию у татар торгового обмена с соседними и дальними народами. Так, из Бухары к ним привозились самоцветные камни (сердолики, бирюза и топазы), стальные клинки и вероятно бумажные ткани; Китай же доставлял им фарфоровые изделия и, судя по сохранившимся пломбам, какие-то б. м. шелковые ткани. Одни из этих товаров татары потребляли сами, другие же вывозились ими к соседям, в обмен на естественные произведения их страны: например, у остяков они могли выменивать свои и привозные же-

лезные изделия на дорогие меха обского севера.

Развитым хозяйственным отношениям у западно-сибирских татар вполне соответствовал и сравнительно сложный уклад их домашней жизни.

Татарские жилища (по крайней мере в городах) строились из хвойного леса и имели слюдяные окна и деревянные двери; последние вешались на железных и медных петлях, прибитых железными же гвоздями с широкою шляпкою и коротким шпилем. У дверей обычно приделывался пробой для замков, которые изготовлялись иногда в виде фигур животных. Деревянные жилища встречались и в сельских местностях, но отличались большею простотою по сравнению с городскими. Летние, а иногда и постоянные жилища татар скотоводов повидимому состояли из конусообразных жердяных юрт, покрытых тростниковыми рогожами. Внутреннее убранство татарских жилищ было сравнительно просто. Главная принадлежность его, очаг (или чувал), складывалась из кирпичей. Около стен находились широкие скамьи и сундуки с разным добром. Посуда состояла из чугунного котла, медных кувшинов и глинянных сосудов с разнообразным геометрическим орнаментом; последние у богатых иногда заменялись китайским фарфором. Железные ножи были различной формы и длины (от 1¹/₂ до 4¹/₂ верш). Для размолы зерна существовали ручные мель-

ницы, похожие на современные татарские мельницы „тирмэн“.

Следов старинной татарской одежды, к сожалению, не сохранилось, зато городища доставили нам множество украшений (бус, браслетов, серег, колец, пряжек и пуговиц) различной формы, материала и качества выделки. Судя по ним, одежда татар (особенно женщин) должна была отличаться большим разнообразием цветов и тканей.

В таких чертах рисуется теперь материальный быт туралинцев и тобольско-иртышских татар. Что же касается третьей группы западно-сибирских татар, барабинцев, то они, живя в глухой степи между Обью и Иртышом, в описываемое время вели полукочевой и звероловный образ жизни. Никаких иных сведений о них не сохранилось.

Общественное устройство западно-сибирских татар характеризуется делением их на две группы, резко различавшиеся между собою. Внизу находилось простое, черное население, состоявшее из охотников, рыболовов, скотоводов, земледельцев и горожан (ремесленников и кузнецов); над ними стояла, во главе с ханом, немногочисленная и властная знать — султаны, бики (князья), мирзы и сеиты. Политическое значение господствующей группы определялось ее особым положением в татарском обществе. Бики и мирзы были повидимому родовыми старейшинами своих поколений и являлись почти независимыми их

владельцами. Опираясь на хорошо укрепленные городки, некоторые из них¹ не считались с ханами и прочно держали в своих руках как население, так и естественные богатства своей округи. Таким образом, эксплуатация черных людей составляла общий интерес всей татарской знати. Неудивительно, что между господами положения и поработченными не существовало гражданской сплоченности; наоборот, с течением времени у них установились самые враждебные отношения. Простонародье неоднократно пыталось освободиться из-под власти биков и мирз и не раз подымало восстания. Такая непрочность общественного строя сибирских татар являлась постоянной угрозой их государственному порядку, особенно же сильно она дала себя почувствовать впоследствии, когда с запада появился к ним опасный враг, русские.

Туралинские, тобольско-иртышские и барабинские татары в XV—XVI вв. составляли политический союз, который от имени столицы своей (Искер-Сибирь) с конца XV ст. стал называться Сибирским ханством или просто Сибирскою землею.

Исторические границы этого государства в общем совпадали с областью расселения сибирских татар. На западе пределом этого расселения были восточные склоны Уральских гор. Северная граница его начиналась от

¹ Таковы, напр., князья из рода Тайбуги и мирзы—Камбай, Кожбахты, Бегей-Мухаммед, Зиеи, Еланча, Атик, Карача и ин. др.

верховьев р. Туры и, захватывая часть вогульских и остяцких волостных княжеств, подвластных татарам, шла на восток через Иртыш приблизительно по 58° сев. шир., пока не достигала среднего течения Оби и не подымалась по ней в южном направлении. Что касается южной границы татарского государства, то она отличалась большой неопределенностью и терялась в степных пространствах юго-западной Сибири.

Политическая жизнь сибирских татар в XIV—XVI вв. характеризуется борьбою представителей ханского рода (из потомков джатайского хэна Шейбани) и местных сибирских князей за преобладание в Сибирской земле. Эта борьба владельцев начинается еще в то отдаленное время, когда сибирские татары едва только стали обнаруживать слабые признаки политической жизни, и проходит затем через всю последующую историю ханства.

По весьма вероятному татарскому преданию, вошедшему и в русские летописи, главный политический центр сибирских татар находился сначала на р. Ишиме, в устье которого некогда стоял город Кызыл-тура. Первым ханом в этих местах, по тому же преданию, был некий Он или Онсом (в рус. летоп.—Иван), который распространил татарские владения на север и подчинил себе часть вогулов и остяков, живших по Туре, Тоболу и нижнему Иртышу. Против хана Она (ок.

пол. XIV в.) восстал бик Чингис (или Чингий) и убил его, приобретя через это важное значение. Но, совершив убийство и боясь мести со стороны членов ханского рода, Чингис удалился со своими приверженцами на р. Туру, где и построил будто бы городок Чинги-туру (впоследствии Тюмень). После этого на Ищиме остались править частью сибирских татар по видимому какие-то незначительные потомки хана Она. Пользуясь слабостью их, бик Тайбуга, сын Чингиса, успел утвердить свою власть на р. Туре и таким образом сделался родоначальником сильной династии сибирских князей, правившей в Сибирской земле более столетия.

Только во второй половине XV в. ханскому роду сибирских владетелей удалось вернуть себе давно утраченную власть в государстве. Это дело было совершено ханом Ибрагимом Ибаком, который изгнал из Чинги-туры или Тюмени князей Тайбугина рода, завладел этим городком и отсюда распространил свою власть на все государство. Несмотря на успех в борьбе, хан Ибак ясно чувствовал всю непрочность своего положения: видимо сильный противник его был только побежден, но не уничтожен. Поэтому для укрепления своей власти в стране, хан завязывает сношения с соседними государями, в надежде опереться на них в случае неблагоприятного для него поворота домашних событий. Он вошел в непосредственные связи с родственными ему

ногайскими мирзами, погубил при помощи их последнего хана Золотой Орды Ахмата, известного противника московского государя Ивана III, и на некоторое время овладел его улусом. Этим событием хан Ибак воспользовался для того, чтобы завязать сношения с московским государем (1461 г.) К такому шагу его побуждало также все возрастающее могущество Русского государства в Поволжье и Приуралье. Когда же в 1483 г. московские войска появились в Угрии и покорив вогулов, а также Югорское, Обдорское и Кодское княжества, обложили их данью, Ибак вынужден был просить у Ивана III дружбы и союза (посольства в 1489 и 1493 г. г.), на что и получил его согласие. Но было уже поздно.

Изгнанные потомки Тайбугина рода, несмотря на видимое торжество Ибака, не оставляли намерения отвоевать у него отцовское наследие. В 1494 или 1495 г. один из них, князь Мухаммед (Махмет, Магмет), напал на Ибака и убил его. Однако, опасаясь мщения оставшихся в Тюмени преемников умерщвленного им хана, он ушел на Иртыш, и здесь на высоком мысу, в 25 вер. выше устья Тобола, нашел старое остяцкое городище Искер, на месте которого и основал собственный городок Сибирь. От имени этого городка и самое государство татарское стало называться Сибирским.

Князь Мухаммед и его преемники — Касим и Эдигер — в отношении Московского государства

продолжали политику Ибака: они поддерживали дружественные связи с Москвой, так как по своим северным соседям (вогульским и кодско-югорским князьям) хорошо знали силу русского оружия. Когда же в 1550 г. г. ханский род сибирских владетелей вновь заявил притязание на Сибирское княжество, дружественные связи князей с московским государем превратились в даннические отношения к нему.

Представителем ханского рода в это время является деятельный и предприимчивый внук Ибака, Кучум. Опасаясь нападений и захватов с его стороны, князь Эдигер вынужден был искать защиты и покровительства у могущественного московского царя Ивана IV. В 1555 г. в Москву явились послы сибирского князя и от всей земли Сибирской поздравили царя со взятием улусов Казанского и Астраханского; вместе с тем они просили царя взять под свою защиту Сибирскую землю, под условием наложения на нее дани. Иван IV согласился принять в подданство Эдигера со всем его княжеством и наложил на него дань в 1000 соболей в год. За Урал был отправлен посол Дмитрий Непейцын, который должен был привести к присяге жителей Сибирской земли и произвести в ней перепись черного населения. По подсчету его оказалось потом 30 700 чел.

Решительные действия царя Ивана IV по приведению в подданство сибирских татар

сильно не понравились Эдигеру. Становясь данником московского государя, он рассчитывал получить от него помощь против своих врагов, а особенно против Кучума. Но на эту помощь нельзя было надеяться, ибо Москва была слишком удалена от Сибирского княжества, к тому же все силы ее в это время были заняты на юге упорной борьбой с Крымом. Таким образом, Иван IV не имел возможности оказать поддержку своему сибирскому даннику. Обманувшись в своих ожиданиях, Эдигер решил постепенно освободиться от уплаты московской дани: поэтому когда нужно было отсылать первый взнос ее, он отправил в Москву вместо 1000 только 700 соболей. Это вызвало сильнейшее неудовольствие царя Ивана: он потребовал от сибирского князя полной дани и присяжной грамоты о подданстве. Поставленный в крайне затруднительное положение и теснимый Кучумом, Эдигер не мог ссориться с Грозным; поэтому, не видя для себя иного выхода, он вынужден был подчиниться. Семь лет подряд он отбивался собственными силами от Кучума, но, не поддержанный во время Москвою, погиб. Кучум жестоко отомстил ему за смерть своего деда Ибака, убитого дедом Эдигера (Мухаммедом): в 1563 г. хан беспощадно расправился с ним и его братом. Только племянник сибирского князя Сейдяк да несколько подвластных ему мирз крепко засели в своих городках по Туре и таким образом сохрани-

ли свою независимость. Разные вогульские и южные остяцкие князьки на первых порах также оказали сопротивление Кучуму; однако своими силами они не могли долго бороться с ханом и в конце концов подчинились ему.

В начале 1570 х г. г. Кучум уже прочно утвердился в Сибири. В состав его ханства входили тобольско-иртышские и барабинские татары и южные вогульско-остяцкие волости. Только татары, жившие по Туре, кажется не признавали власти Кучума и подчинялись собственным бикам и мирзам (Миллер, I гл., § 77). Чтобы сплотить своих разноплеменных подданных в один политический союз, хан ввел среди них мусульманство, заимствовав его из Бухары и Ургенджа (Хивы). Новая вера действительно несколько объединила татар и финно-угров, хотя и не могла уничтожить последствий того общественного гнета, которому татары подвергались со стороны своих биков и мирз. В этой объединительной деятельности Кучуму немало также содействовал его родственник Мухаммед-купи (Махметкул, Маметкул).

В отношении Московского государства хан Кучум на первых порах продолжал политику своих предшественников. Он вошел в сношения с Москвой и в своей грамоте к царю Ивану IV от 1570 г. писал между прочим: «Съ нашимъ отцомъ твой отецъ гораздо помирися, и гости на обѣ стороны ходили.. Съ кѣмъ отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ

тѣмъ и сыну его въ недружбѣ жъ быти пригоже... И нынѣ похощь миру — и мы помиримся, а похощь воеватися — и мы воюемся... В этих словах Кучума проглядывала не только его воинственность, но и чувство собственного достоинства. Такой хан лишь до поры до времени мог терпеть обычное требование московской дани. Действительно, Кучума вынуждали к этому чисто внешние обстоятельства: войны с южными соседями (кыргыз-казаками) и независимыми от него биками и мирзами, жившими по р. Туре. В 1571 г. хан прислал Ивану IV полную дань в 1000 соболей, и послы его договорились даже об ежегодной дани на будущее время.

Однако даннические отношения Кучума к московскому государю были непродолжительны. Как только войны с соседями окончились в пользу хана и его положение совершенно упрочилось, он сбросил с себя маску покорности и стал действовать вызывающим образом. Уже с 1572 г. он начинает беспокоить Пермскую область, в южной части которой находились вотчины Строгановых, а по соседству с ними жило много татар, башкир и вогулов. Все эти народцы питали к Москве неприязнь за утрату собственной независимости и при первой же возможности готовы были к измене и восстаниям. Ими то и решил воспользоваться Кучум в случае выступления своего против Московского государства. Однако замыслы сибирского хана были во-

время разгаданы Грозным, который противопоставил им как воинскую силу, так и русскую колонизацию Камского края и Приуралья.

2. Южная Сибирь

Великое движение народов, вызванное образованием Чингиз-хановой державы произведя крупнейшие перемены в средней Азии, отразилось также и на положении сибирского населения. Из прежних племен и народов южной Сибири в XIII—XIV в. в. остались на своих местах только енисейские кыргызы (или кыркызы) да жившие рядом с ними народцы неизвестного происхождения. Остальные же пространства южной Сибири (юго-западные степи и Прибайкалье) были заняты в это время разными турецкими или же отуреченными племенами и бурятами.

а) енисейские кыргызы

Область, расположенная по верхнему течению Енисея, издавна была населена хакасами и подвластными им народцами неизвестного происхождения. Когда образовалась великая монгольская держава, хакасы добровольно подчинились ей (ок. 1200 г.) и стали после этого более известны под новым именем — кыргызов. Мы видели выше, какой переворот во взаимных отношениях племен и народов произвели в средней Азии походы Чингиз-хана. Монголы, как соплеменники завоевателя

и его преемников, естественно получили преобладание над другими народами, особенно в пределах нынешней Монголии. Турецкие племена, обитавшие здесь (кераиты, найманы, джалаиры и др.) должны были уступить монголам свои лучшие земли и выселиться на север и северо-запад. Некоторые из них, отступая вниз по течению р. Кема (Енисея), явились в страну хакасов кыргызов и осели здесь по северным склонам Саян и в степных местностях нынешнего Минусинского края.

Итак, население хакасской области уже в XIII—XIV в. в. было довольно разнообразно по своему составу. Таким же оно оставалось и впоследствии, при завоевании края русскими. Когда в XVII ст. сюда явились томские казаки, они нашли здесь довольно многочисленные народности, из которых большинство находилось в хозяйственной и политической зависимости от енисейских кыргызов¹. Это племенное разнообразие в значительной степени наблюдается в области и по настоящее время. Дело в том, что минусинские инородцы, помимо административно-общественных и союзно-родовых делений и имен, сохранили еще деления по племенному происхождению на так называемые *кости* или

¹ Черные и белые колпачи (кхалычи), и киргизские люди, и йаты, и браты (бураты), и саянцы, и тубинцы, и кучегуты, и баскары, и кызылы, и буандские люди. В других документах упоминаются йаторы, алышры, бжегары, ратисары, азерцы, вли-коташцы, точи, мунгаты, сыган, Бахтинцы, иргиты, желтые саяны.

КАРТА СИБИРИ

ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

Берингово море

ОХОТСКОЕ МОРЕ

Японское море

Японское море

Масштаб
в английских верстах 500 верст

ВЛАДИВОСТОК